

да, природа же опредѣляется необходимостью. Духъ, въ которомъ вкоренена свобода, не есть субстанціальная природа и потому духъ есть свобода, а не необходимость. Тутъ какъ будто бы есть нѣкоторое противорѣчіе у Н. Лосскаго. Очень интересно все, что говоритъ Н. Лосскій о свободѣ человѣка отъ своего тѣла и о различіи между индивидуальнымъ тѣломъ человѣка и коллективнымъ тѣломъ. Вопросъ о свободѣ человѣка отъ своего прошлаго непосредственно связанъ съ покаяніемъ и только христіанство знаетъ свободу человѣка отъ власти прошлаго. Вопросъ о свободѣ человѣка отъ Бога есть предѣльный вопросъ о свободѣ. Имъ болѣла религиозная мысль христіанскаго міра. И все же онъ не былъ разрѣшенъ съ достаточной полнотой и глубиной. Нерѣдко религиозная и философская мысль на послѣдній вопросъ о свободѣ человѣка отвѣчала утвержденіемъ свободы Бога, божественной, а не человѣческой свободы. Но тогда Богъ самъ отвѣчаетъ на свой призывъ, внѣ Его нѣтъ никого и ничего обладающаго самобытной свободой, способной Ему противостоять. Какъ тогда понять фактъ существованія зла? Н. Лосскій видитъ этотъ вопросъ, но не вполне его разрѣшаетъ. Разрѣшеніе вопроса о человѣческой свободѣ должно быть связано съ ученіемъ о Бого-человѣчествѣ Иисуса Христа. Только въ Бого-человѣчествѣ Христа, въ Его человѣческой природѣ можно найти источникъ свободы человѣка, человѣческой, а не только божественной свободы, — она вкоренена не въ первой, а во Второй Впостаси Божества. Глава о формальной и матеріальной свободѣ должна была бы привести Н. Лосскаго къ различенію двухъ свободъ — свободы исходной, свободы, какъ пути человѣка, и свободы конечной, свободы, какъ цѣли человѣка. Этому различенію Н. Лосскій какъ будто бы не придаетъ достаточно центрального значенія, хотя и выражаетъ его въ другой терминологіи. Въ общемъ книга Н. Лосскаго должна быть признана очень цѣнной и заслуживающей самаго широкаго распространенія. одной изъ лучшихъ книгъ по этому вопросу.

Ник. Бердяевъ.

Miguel de Unamuno. L'agonie du Christianisme. 1925. Paris. 162.

Слабая вѣра, духовная неопредѣленность, «исканіе Бога» могутъ возбуждать

симпатію и сочувствіе, когда они высказываются, какъ духовная немощь, какъ стремленіе освободиться отъ состоянія неувѣренности, двусмысленности и грѣховности. «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!» Эти слова вѣчное выраженіе состоянія души сомнѣвающейся и своимъ сомнѣніемъ тяготящейся. И такіе богоискатели, какъ Sully Prud'homme, которые дѣйствительно страдали отъ трагической неспособности преодолѣть свои сомнѣнія и душевную косность, вызываютъ чувство глубокаго человѣческаго состраданія. Но когда эта духовная слабость выдается за силу, когда неспособность къ религиозному самоопредѣленію рассматривается, какъ трагическая необходимость, а покаяніе замѣняется самолюбованіемъ — тогда мы не можемъ не испытывать отталкиванія отъ болѣзни, выдающей себя за здоровье, отъ душевнаго гніенія, считающаго себя подлинной и истинной жизнью. Такое впечатлѣніе производитъ нашумѣвшая книга испанца Мигуэля де Унамуно, озаглавленная двусмысленнымъ словомъ «Агонія Христіанства». Унамуно правда оговаривается, что слово агонія онъ употребляетъ въ греческомъ смыслѣ, — какъ борьбу, исканіе, пребываніе между жизнью и смертью; и въ этомъ смыслѣ у него всегда есть возможность истолкованія своей позиціи, какъ агонію христіанина, какъ его борьбу съ грѣхомъ, съ невѣріемъ, съ отчаяніемъ, со смертью. Однако эта точка зрѣнія имъ не выдерживается и состояніе борьбы, то есть неопредѣленности, двойственности и неполноты приписывается имъ всему Христіанству и даже Христу. О Церкви онъ въ этомъ контекстѣ даже не упоминаетъ, п. ч. христіанство для него только «совокупность одинокихъ» и всякая конкретная церковность рассматривается имъ, какъ «конецъ агоніи», какъ покой, то есть по его толкованію какъ смерть и тлѣніе. Агонія — борьба является для него такимъ образомъ нѣкоторой религиозной категоріей, внѣ которой онъ видитъ небытіе. Царства же Небеснаго, которое есть «міръ и радость о Духѣ Святомъ», онъ совсѣмъ не знаетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ знать. Ибо даже святѣйшее таинство Евхаристіи истолковывается имъ, какъ смерть І. Хр., плоть Коего затѣмъ погребается въ каждомъ изъ насъ. Такимъ образомъ въ центрѣ міровоззрѣнія Унамуно стоитъ не Богъ, спасающій человѣка, но человѣкъ безсильно рвущійся къ Богу, въ существованіе Котораго онъ почти не вѣритъ. И послѣд-

пее, къ несчастью, является самым характерным для него. Всякое подлинно-религиозное движение вызывает в нем улыбку презрительного сожаления о том наивном человеке, который обрел веру и тем самым вышел из состояния агонии, которое полагается им как единственно возможная и подлинно христианская реальность. Источник этого своего убеждения он видит в испанских иконах и распятиях, «страшно трагических, изображающих Христа не мертвого, ставшего прахом, ставшего миром, и похороненного другими мертвецами, но Христа в агонии, того Христа, который вопить «Боже мой, Боже мой! Вскую мя оставил еси»; Унамуно питается из источников очень далеких от фантастического, но убежденного, стойкого в своей вере испанского католицизма.

Уже одно то, что, по собственным его словам, эта книга написана им по просьбе Р. L. Couchoud, который и внушил ему это название (Унамуно очень много говорит о себе не как о мыслителе и авторе, но о себе лично — где он живет, как работает, что любить...) указывает на его по существу антихристианскую ориентацию. Общество, в котором вращается его мысль, подтверждает это: цитаты его повторяют слова или безбожников или отщепенцев. Впрочем он любит Паскаля; но и его он считает — «агонизирующим» в вере, двоящимся и неопределенным; но подобная «вера» приписывается им и Ап. Павлу!

Несмотря на религиозную драпировку точка зрения Унамуно предстает нам как решительный имманентизм; правда это не есть тупое самодовольство человека, не видящего ничего кроме материи и не желающего освободиться от своего сердечного окаменения. Унамуно любит «иное» и ищет его. Но еще больше любит он свою позу разочарованного неверия, трагической безнадежности и религиозной «агонии». И это заставляет его любоваться этим состоянием и утверждать, что всякая здоровая конкретная религиозность есть по существу культ смерти и небытия, т.е. предательство подлинного дела Христова.

Во «Введении» Унамуно рассказывает о происхождении этого труда и утверждает абсолютную индивидуальность, парадоксальность и трагичность христианства. В главе «Агония» он дает определение этого понятия и определяет веру, как

сомнение, как борьбу («Несомневающаяся вера — мертвая вера»).

В главе «Христианство» он отрывает христианство от Христа, рассматривая Его как умершего учителя, воскресающего в душах его учеников, для того чтобы агонизировать в них и быть причиной их агонии. В главе «Слово и буква» он старается показать, как умирает дух. Уже «у Павла слово стало буквой, Евангелия — книгой» — ибо он был апостолом язычников (pagani) которые — в качестве людей тесно связанных с землей (pagas) по природе были склонны к косным формам традиции и быта и неспособны к вечной борьбе и агонической неопределенности, завещанной Христом.

В главе «Ависала Сунамитянка» он рассматривает образ этой библейской дѣвушки, согрѣвавшей своими объятиями холодящее тѣло дряхлаго Давида, как символ агонизирующей души, ищущей и не находящей своего Бога. «Бѣдная душа, алчущая и жаждущая безсмертія и воскресенія своей плоти, алчущая и жаждущая Бога-Богочеловѣка по мысли христианства или Человѣкобога — по мысли язычества изливаетъ свою материнскую дѣвственность въ поцѣлуяхъ и лобзаніяхъ вѣчнаго агонизирующаго». Эта цитата довольно полно передаетъ характеръ, какъ мысли, такъ и стіля автора. Въ «Мужественности веры» онъ настаиваетъ на волево́мъ, «агоническомъ» характерѣ религиознаго акта, ибо «я верю» означаетъ «Я хочу вѣровать» или еще лучше «у меня есть желаніе вѣрить». Содержаніе веры такимъ образомъ цѣликомъ связывается съ областью чело-вѣческой психики, вслѣдствіе чего экспертами въ этой области являются такіе «отчаявшіеся христіане» — какъ В. Джемсъ и Гюисмансъ.

В главе «такъ называемое социальное Христианство» онъ обрушивается на самую идею христианской общественности, видя въ Евангеліи ученіе абсолютно индивидуалистическое — а во всякомъ его внѣшне-церковномъ преломленіи — измѣну завѣтамъ учителя. Жало критики направлено здѣсь, впрочемъ, болѣе конкретно: на католическую Церковь и въ особенности на іезуитовъ и французскихъ монархистовъ къ которымъ онъ питаетъ самую яркую ненависть (здѣсь очень сильно сказывается личный мотивъ испанскаго эмигранта, ненавидящаго ту партію, которая его изгнала изъ его родины).

Въ главѣ «Абсолютный индивидуализмъ» онъ стремится показать, что Христіанство, какъ проповѣдь одиночества, въ существѣ своемъ противорѣчитъ соціальной природѣ человѣка (почему христіанинъ въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчной агоніи) и что на смѣну христіанской германо-романской цивилизаціи черезъ посредство большевистской Россіи должна придти новая цивилизація — восточная, азіатская, буддійская, первымъ провозвѣстникомъ которой былъ Достоевскій — «отчаявшійся христіанинъ, христіанинъ въ агоніи». Всѣ эти мысли находятъ себѣ примѣненіе въ двухъ послѣднихъ главахъ: «Вѣра Паскаля», (написанной подъ сильнымъ вліяніемъ Л. Шестова, мысли котораго впрочемъ разбросаны по всей книгѣ) и «Отецъ Гіацинтъ» — разсматривающей съ этой точки зрѣнія дневники этого священника,*) ушедшаго изъ католичества и попытавшагося своими силами осуществить новое нецерковное Христіанство.

Наконецъ, въ «Заключеніи» онъ подводитъ итогъ своей книгѣ. Глубокое отвращеніе отъ современной жизни, отъ современныхъ мыслей; полная духовная тьма и безнадежность. Рѣзкое противоположеніе Христіанства всему живущему.

Все это въ качествѣ опыта дѣйствительности (тотъ же «кризисъ культуры», «гибель Запада») могло бы быть залогомъ поворота къ положительной религіи, если бы поза отчаянія, слова «нашъ Христосъ, нашъ Христосъ, почему Ты оставилъ насъ» (которыми кончается книга) не являлись бы предметами проповѣди и не изображались бы какъ подлинное и истинное Христіанство, долженствующее замѣнить положительную Церковь. Но и психологическое и имманентистское содержаніе и взвинченно пророчествующій стиль этой книги свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ считаетъ единственно правильнымъ, состояніе духовной слабости и религіозной неопредѣленности. Онъ любитъ своей грустью.

Л. Зандеръ.

*) A. Houtin: Le P. Hyacinthe dans l'Eglise romaine; le P. Hyacinthe réformateur catholique; le P. Hyacinthe prêtre solitaire. P. Hyacinthe Loyson. Journal intime.

Съ прошлаго года Мюнхенское издательство R. Piper приступило къ изданію недавно открытаго архива Ф. М. Достоевскаго. Матеріалы послѣдняго составились изъ разныхъ источниковъ: первымъ долгомъ сюда относятся воспоминанія, дневники и иныя рукописи А. Г. Достоевской, переданные ею еще при жизни въ Московскій Историческій Музей; далѣе, при конфискаціи сейфовъ въ частныхъ банкахъ въ Москвѣ, былъ найденъ ящикъ, содержащій 23 тетради записныхъ книжекъ, замѣтокъ и т. п., принадлежавшихъ частью Ф. М. частью А. Г. Далѣе: въ Севастополѣ мѣстной ченой былъ реквизированъ у сына Ф. М., Феодора Феодоровича (недавно умершаго), ящикъ съ документами, вытребованный впоследствии комиссаромъ народнаго просвѣщенія Луначарскимъ и переданный имъ въ Центроархивъ; наконецъ — многочисленныя письма, воспоминанія и дневники, собранные библіографами и учеными. Весь этотъ матерьялъ былъ сосредоточенъ въ Центроархивѣ и поступилъ въ ученую обработку — проф. Сакулина, Бродскаго, Гливенко, Гроссмана, Комаровича.

Изъ ихъ работы было издано немного: Исповѣдь Ставрогина (изд. Центроархива 1922, переизданное въ Мюнхенѣ 1922), Дневникъ А. Г. Достоевской (изд. Центроархива 1924 г.), отдѣльные отрывки въ сборникахъ подъ редакціей Долтнина (изд. Мысль 1923) и Гроссмана (Госуд. Издат. 1923 г.) и рядъ писемъ — въ Красномъ Архивѣ (1924-1925). А затѣмъ весь архивъ со всеми учеными комментаріями названныхъ авторовъ былъ проданъ совѣтскими властями Мюнхенской фирмѣ, которая уже зарекомендовала себя прекраснымъ изданіемъ полнаго собранія сочиненій Достоевскаго и отдѣльными иллюстрированными изданіями Двойника и Записокъ изъ Подполья. Такимъ образомъ архивъ Достоевскаго выходитъ сначала на нѣмецкомъ языкѣ и только послѣ выхода всего изданія (16 томовъ въ теченіе 4 лѣтъ) будетъ опубликованъ по русски. Изданіе Piper'a — какъ въ смыслѣ техническомъ, такъ и въ отношеніи литературной разработки, не оставляетъ желать ничего лучшаго; оно безусловно сумѣетъ сохранить намъ Достоевскаго для будущаго. Пока вышло четыре тома: Дневникъ А. Г.; Воспоминанія А. Г.; Документы, относящіяся къ игорной страсти Ф. М. и неосуществленные планы романовъ. Дальнѣй-